Skaning, Djvuing Lykas

Всеволод Н.
Иванов

ОГНИ В ТУМАНЕ

РЕРИХ — ХУДОЖНИК-МЫСЛИТЕЛЬ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1991

Составитель
Юрий Викторович Коноплянников

Всеволод Никанорович Иванов

ОГНИ В ТУМАНЕ
РЕРИХ — ХУДОЖНИК-МЫСЛИТЕЛЬ

Художник *И. В. Френкель*

Редактор И. А. Николенко
Художественный редактор Е. Ф. Капустин
Технический редактор Г. В. Климушкина
Корректор Г. И. Иванова

ИБ № 8290

Сдано в набор 27.09.90. Подписано к печати 18.04.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 20,36. Тираж 75 000 экз. Заказ № 670. Цена 3 р. 20 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Государственного комитета СССР по печати, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

Иванов Всеволод Н.
И 20 Огни в тумане. Рерих — художник-мыслитель.— М.: Советский писатель, 1991.— 384 с.

ISBN 5—265—02163—9

Вниманию читателя предлагаются очерки известного русского писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888—1971), долгое время находившегося в эмиграции. «Огни в тумане» — блестящая политическая оценка Октябрьской революции — увидели свет в эмигрантском Харбине в 1932 году. В 1940 году в Риге были опубликованы очерки «Рерих — художник-мыслитель», посвященные нравственным исканиям оригинальнейшего русского ученого.

Публикация этой книги — свидетельство продолжающейся революции мышления.

4702010201—156
И ——————КБ—17—33—90 ББК 84 Р7
083(02)—91

© *Издательство «Советский писатель», 1991*

Оправданный Аввакум

1 апреля 1681 года кончил свою многострадальную жизнь протопоп Аввакум, сгорел на площади глухого городишка Пустозерска.

250 лет минуло с той поры; в течение этих 250 лет память о протопопе Аввакуме сохранялась главным образом одними старообрядцами; в широком русском обществе о нем говорили немного удивленно, как об упрямце, который не пожелал соблюдать такого пустяка, как правила грамматики в священных книгах, и вообще — всему этому эпизоду придавали мало значения.

Причина этого двухсотпятидесятилетнего пренебрежения к страданиям протопопа Аввакума со стороны русского общества лежит в том, что протопоп Аввакум не был революционером. Более того. Он был страстным убежденным русским националистом. Вот почему само имя его отсутствовало до сих пор в синодиках русской общественной истории.

Только теперь русские взоры мало-помалу обращаются к своей родной истории, только теперь образы прошлого начинают светиться небывалым особенным блеском, обновляться так, как обновляются древние иконы. Разруха настоящего, которая превзошла собой всякое вероятие, заставляет нас оглянуться назад и отметить в прошлом то, на что мы прежде не обращали должного внимания. Мы видим, что, в противность настоящему, в прошлом мы имели крепкое, сильное, слаженное государство, и это преисполняет нас уважением к тем деятелям этого государства, которые его создали, и тем, кто держал тогда высоко стяг русского национального дела.

— Ох, ох, бедная Русь, чего тебе захотелось немецких обычаев! — повторяем мы теперь с протопопом Аввакумом и, расширенным историческим опытом оглядываясь назад, понимаем, что значили тогда его вещие слова:

— Зима хощет быти... Сердце озябло, и ноги задрожали!

Эта зима действительно пришла и оттого, что нарушили первый завет мудрого и осмысленного консерватизма, данный проникновенным протопопом, того консерватизма, который

кажется таким ничтожным, неважным в сравнении с ослеплением «просвещением»:

— Нам всем подобает умирати за единый аз. Великая сила в сем азе сокровенна! — говорил Аввакум.

Нарушив «азы», нарушили не только заветы и старый установившийся исторический опыт, а забыли то, что переживали тогда, в начале XVII столетия, о чем болел душой, горел и проповедовал протопоп Аввакум.

Вспомним же его дело и его время.

* * *

Протопоп Аввакум родился вскоре после того, как окончилась великая смута на Руси, раздиравшая страну под именем Смутного времени. Но и после нее государство продолжало бродить, находиться в нестроениях, неурядицах. Целых десять лет при царе Михаиле Федоровиче невступно заседал Земский собор, которому было много дела по устроению государства и который выносил приговоры «по указу великого государя и по всей земли приговору».

Этот собор и впоследствии собирался неоднократно, до царствования Алексея Михайловича включительно... Не подлежит никакому сомнению, что хотя между собором и царем не было положено каких-либо определенных уставных грамот, тем не менее связь была самая тесная, нужная и желательная связь царя и земли.

Таким образом, уже в воздухе того времени как бы жили определенные, накрепко установленные понятия о праве земли участвовать в судьбах самого государства, праве, полученном в лихолетье. Да и сама память о днях лихолетья была еще свежа, и старики рассказывали маленькому Аввакуму о великой разрухе. Протопоп Аввакум происходил к тому же из Низовской земли, из Нижегородской области, а памятна всем та огромная роль, которую сыграла Низовская область, в частности Нижний Новгород, при подавлении и перед подавлением мятежа в 1613 году. Население этих низовских городов принадлежало к оплоту Москвы и московской собирательной политики: после того как смута покончила с остатками высшего боярства, с удельными тенденциями которого боролся Иван Грозный, явилась на первое место «земля» — земский, средний класс, который историко-геог-

рафическими обстоятельствами был поселен к востоку и на север от Москвы. К 1612 году в Ярославле образовалась, говоря современным языком, уже настоящая боевая организация для борьбы за страну и за порядок, причем процесс образования этого намечается гораздо раньше. Этот средний северный класс давно подозрительно присматривался к борьбе в верхах Москвы в последних годах XVI века. Когда явился оживший царь Дмитрий, то в указанных местах разговоры шли, что-де «еще до нас далеко, успеем с повинной послать, не спешите креста целовать!».

Умная и осторожная политика первого Названного Дмитрия кончилась, как известно, буйственным сидением тушинцев. Северные и низовские города видели, что тушинцы были переполнены в своем составе иностранцами, и северо-восток встал наконец против «панов» и «Вора». Мужики северных областей еще раньше сами собирали «рати» и выставляли их для мелкой войны против тушинских отрядов. Образовалась линия городов, которая вела эту борьбу, и в этой линии были Устюжна, Кострома, Решма, Юрьевец-Поволжский, Городец, Балахна. В Вологде заседал совет обороны из вологодских купцов и из представителей национальной Москвы. Левый берег Волги освободился от Вора к 1609 г.

До 1612 года, чтобы обсудить положение, стало быть, было достаточно времени: политика «боярского царя» — Василия Ивановича Шуйского тоже мало удовлетворяла широкие слои Замосковья и Низовской земли. Обмен «грамотками» — грамоты с западной части Руси, предупреждавшие против присяги польским королю и королевичу, обмен — «обсылки» специальными людьми, ездившими из города в город с целью взаимной информации и доброго совета,— все это подготовило в широких слоях тогдашнего общества совершенно определенные общественные взгляды. Нижний Новгород выступает в 1611 году с грамотой, в которой четко устанавливает свои программные положения. В ней Пожарский, а с ним нижегородцы заявляют, что отрекаются от Воренка и от Литовского короля и желают всей землей выбрать нового государя, «кого Бог даст». А до того надлежит всем держаться вместе, «в одном свете», и «на польских и литовских людей идти вместе».

Явившееся в результате этих лет Ярославское правительство пришло в Москву с нижегородской ратью и установило порядок на Руси. Общественное мнение с установлением на Москве нового строя определилось окончательно. Погибли, сошли в ничтожество все крупные боярские роды, которые

играли в политику и заигрывали с поляками. К власти, а следовательно, и к общественному мнению вышли средние торговые, земские, духовные слои. К ним присоединились и их возглавляли в борьбе за мир средние дворянские роды — военные по преимуществу, и, таким образом, англичанин Флетчер совершенно прав, когда говорит, что победит в смуте тот, на стороне которого земское «войско».

— А особенно тогда определилось мнение земли,— говорит проф. С. Ф. Платонов,— что хотя царь и есть «сильножитель» и что подданные его «рабы», но все же они, поднявшие царство из смуты, имеют и гражданские права и гражданские обязанности.

Кроме того, в польских армиях и в шведских войсках Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и Делагарди были иностранцы, которые с чрезвычайными насмешками и небрежением относились к верованиям и нравам русского народа. Эти элементы дали на Руси известное могучее течение общественного мнения, что надо остерегаться иностранцев, вести добрый обычай, который был столь опасно потрясен и тушинцами и поляками, а главное — стоять за то, что составило центр и цитадель народной обороны в Смутное время,— православную веру. Даже монахи того времени не только творили молитву, не только помогали советами, нет,— они дрались на стенах монастырей и городов наравне с ратными и мирскими людьми.

На фоне этих явлений вполне понятно настроение протопопа Аввакума. Установившаяся жизнь Московского государства, далеко простиравшееся его влияние уже заставляло московскую власть и особливо московское окружение власти забывать о плохих временах, в каких власть эта находилась полвека тому назад. Царь Алексей Михайлович был мягкий, добрый, по-русски вспыльчивый и по-русски же упрямый, но нестойкий человек; вышедшему из мордвы, из сильных и упрямых инородцев, сильному гиганту Никону, удивившему своим богатырским здоровьем гостя на Москве диакона Павла Алеппского, при кротком царе Алексее лестно было попытаться воспроизвести строй рухнувшей Византии, титуловаться «великим государем» и по льстивому указанию наехавших лукавых царедворцев, эпигонов-византийцев — на своей особе возродить весь блеск Третьего Рима после Рима Первого, после Рима Второго. Кем, собственно, и был Никон на Москве в своей политике.

Никон возрождал в церковной жизни, в церковно-государственном обиходе на византийский манер стремления,

аналогичные притязаниям удельных князей, с которыми за полтораста лет до того жестоко расправился Иван Грозный,— он мечтал о свободе для себя.

В самом деле. Пусть даже правы «справщики», которые правили церковные книги по греческим образцам, пусть бесспорны эти самые образцы, пусть они не печатаны в иезуитских западных типографиях, но какой смысл имело вместо русского древнего церковного обряда и предания на это же место ставить обряд и предания греческие, по существу нисколько более не авторитетные со стороны канонической, но только приемлемые для патриарха Никона, как совпадающие с его цезаро-папистскими мечтами?

Вот в этой-то обстановке и выступил протопоп Аввакум, выступил как борец за чистое национальное православие, за свободу церкви от участия в делах мирских, за сохранение этой цитадели русского духа от руководящего и всегда своекорыстного вмешательства разъезжих иностранцев, зачастую весьма авантюристического типа, вроде Арсения Грека.

Что разумел протопоп Аввакум, когда настаивал на точности начертания имени Исусова, на употреблении двуперстного знамения и на сугубой аллилуйе, и на сохранении стиля старых икон, и на соблюдении старых книг? Слово «фанатик», которое слишком часто раздается по адресу старообрядческих деятелей,— слово слишком легкомысленное. Оно выражает то пренебрежительное по существу мнение, что-де люди держатся за какие-то ни к чему не нужные обряды, за букву и противятся «прогрессу и культуре»... Такое рассуждение по существу является само по себе и некультурным и невежественным; ведь, рассуждая так, говорящие явно не понимают, что значили для защитников старого обряда эти символы и почему они так держались за них. Нашему русскому интеллигенту, с его расшатанными понятиями, вообще совершенно безразлично было до революции 1917 года, как налагать на себя крестное знамение, и если он стоял за троеперстие, то только потому, что верил свидетельству «просвещенных» греков. Нет, не зря была отмена двоеперстия для Аввакума знаком страшным, знаком прихода зимы. Ведь он смотрел практически — на его любовной памяти о предках — создателях земли русской — были святители московские Петр, Алексей и Иона, которые крестились по-старому и молитва которых была успешна,— вон какое царство они создали.

— А этим новым и книги не в книги!

Вот почему он объявляет войну новшествам так, как в свое время он объявил войну невежеству среди своей паствы, которая его за это в Юрьеве-Поволжском чуть не убила... Протопоп Аввакум реформ не боялся, но он совершенно правильно требовал в качестве полноправного и полногласного, самоотверженно смелого гражданина своей страны, привыкшего идти на борьбу против смуты к самостоятельности, чтобы осторожно относились к переменам.

Что можно сказать против такой линии протопопа Аввакума? Ничего, кроме уважения, не вызывает она в нас, ничего, кроме почтения к его прозорливой мудрости. Напомним нашим читателям, что эта выдержка протопопа Аввакума по отношению к новаторам вовсе не противоречит понятиям, установленным на Западе. На Западе именно чрезвычайно боятся скороспелых, яростных реформ, стиля Никонова действия. Года два тому назад в английский парламент был представлен законопроект о необходимых изменениях, которые нужно было внести в установленный для народа английского молитвенник. И что же? Несмотря на то что докладчиком по этому делу явился сам епископ Кентерберийский, парламент в первый раз отклонил этот законопроект потому, что представлял его не лично епископ, а его представитель. Вопрос был признан слишком важным, чтобы его решить в отсутствие больного епископа.

Нет, не фанатизм умудренно видим мы теперь в действиях протопопа Аввакума, не слепую ярость, а разумный и трезвый взгляд на вещи. Нельзя, никак нельзя легкомысленно менять азов; ведь разве не ужасно то, что в результате реформы Никона, которого позднее все равно пришлось убрать из патриархов за его неподходящее сану поведение, русская церковь раскололась.

Да, раскололась, распалась на слабое официальное православие и на действительно народную, крепкую церковь, которую представляет из себя старообрадчество. Конечно, мы не говорим того, что вся никоновская церковь официальна в дурном смысле этого слова; дело в том, что та большая часть ее, которая не официальна, а по существу народна, которая живет с народом и в народе и твердо блюдет при этом канонические основания, та ничего не имеет против раскола, и такого по существу для нее не существует, как его не существует и для массы русского народа.

Кроме того, старообрядчество можно определить и эт-

нографически: это — великорусская религиозная мысль и вера, вера московских традиций.

Разразившаяся революция 1917 г. на Руси имела своим следствием в отношении русской православной церкви то, что в церкви началось великое смятение, продолжающееся по сей день. Нельзя никак отрицать, что церковь православная, обнимавшая огромное наше государство, не устояла так в бурных волнах истории, как устояла церковь старообрядческая. Насколько известно пишущему эти строки, соблазн живой церкви, то есть церкви, «реформированной» в духе разного рода рационалистических современных новшеств, прошел мимо старообрядчества, не задев его. Очевидно, на стороне старообрядчества была историческая сила, или, иначе говоря,— правота.

Мало того. При объявлении живой церкви со стороны советских властей церковью покровительствуемой, при предоставлении ей всяких выгод и прочего — в русском обществе 1918 и следующих годов обнаружилось то же самое явление, которое повело к отпадению от живой церкви — церкви Тихоновской. На чем основывалось это отпадение? На верности старому обряду, на верности народа церкви отцов, ни на чем больше. И теперешняя Тихоновская церковь идет, таким образом, по стопам консервативного протопопа Аввакума в его национальном делании, являясь тем самым «старообрядцами второго призыва», так сказать.

Соблюдем же и мы правду, которую проповедовали наши мученики за веру, наши национальные пророки, сгоравшие на кострах! Они — русские, и они в своем национальном своеобразии доступны пониманию самого широкого народа русского.

Их помнят, их уважают, их почитают, им кланяются.

И все это правильно. С нашей же стороны, со стороны так называемой интеллигенции русской, надо еще, чтобы и х з н а л и.

Вот почему взоры многих теперь обращаются к русской истории:

— Мы хотим познать самих себя!

А познавая самих себя, нельзя познавать только одного Петра Великого, преобразователя русской земли.

Нет, кроме него еще есть и протопоп Аввакум, пламенный поборник национального своеобразия, оправданный, проверенный, утвержденный в правоте самым страшным судом —

— временем, двухсотпятидесятилетней историей.

— Да, он прав,— говорим мы теперь.

И, разумно заботясь о развитии, усовершенстовании народа нашего, об усвоении им всего нужного, необходимого в жизни материальной прогресса технического и научного, в то же время сохраним веру отцов наших, потому что вера в изменении не нуждается. Она вечна.

Вечная память протопопу Аввакуму и его завету:

— Нам всем подобает умирати за единый аз. Великая национальная сила в сем азе сокровенна!